

Профессор Михаил Васильевич Воробьев
1922–1995 гг.

**ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА
ВОРОБЬЕВА**

К 10-летию со дня кончины

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005**

В. Ю. Климов

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Первая встреча с Учителем осенью 1981 г. в стенах Ленинградского отделения Института востоковедения оставила неизгладимый след, хотя прошло с тех пор почти четверть века. Передо мной предстал высокий, сухопарый человек в возрасте, с высоко поднятой головой, одетый в деловой, нейтрально-сдержанный костюм. В его присутствии я заметно оробел и чувствовал себя неловко. Разговор сразу же принял сдержанно-деловой характер. Вопросы задавались по существу, на некоторые было трудно ответить. Это был своего рода экзамен. На сообразительность, на знание истории Японии и стран Дальнего Востока, на человеческую порядочность. Нельзя было уйти от ответа на прямо поставленный вопрос. Чувствовалось, что Михаил Васильевич к встрече подготовился и вопросы обдумал заранее. Я старался отвечать таким же образом: прямо и искренне. Не пытался выглядеть лучше, чем был на самом деле. Это, как позже понял, видимо, произвело на Учителя благоприятное впечатление. Он предложил в продолжение разговора написать в течение недели реферат по предлагаемой теме кандидатской диссертации. В конце концов, после трех встреч и обстоятельного общения Михаил Васильевич рекомендовал меня к поступлению в аспирантуру и дал согласие на руководство моей работой.

© В. Ю. Климов, 2005

В те времена поступить в аспирантуру было трудно, и было много претендентов, потому что, в отличие от настоящего времени, в случае успешной защиты диссертации открывалась дорога к интересной работе исследователя, стабильной, устойчивой жизни и уважаемой обществом работе. Поэтому Михаил Васильевич всегда очень ответственно и тщательно относился к отбору и рекомендации в аспирантуру.

На первых порах у меня сложилось о Михаиле Васильевиче мнение как о сдержанном, сухом человеке, порой даже желчном. Не сразу, но через года два-три я с удивлением обнаружил, что этот ошибочный, придуманный образ мало общего имеет с реальным человеком и ученым, что во многом я судил об Учителе поверхностно.

Поражала редко встречающаяся у людей черта не только слушать, но и слышать собеседника, понять его боль, помочь преодолеть жизненные невзгоды. Опыт сострадания, вероятно, был приобретен в молодости. По всей видимости, Михаилу Васильевичу пришлось много испытать на своем веку. Он легко откликался на любое изменение в настроении окружающих его людей. Разговаривать с ним было одно удовольствие. Это была своего рода гимнастика ума. Ему была свойственна удивительная гибкость и даже парадоксальность суждений, энциклопедические знания и огромный жизненный опыт, что позволяло ему с легкостью поддерживать разговор на любые темы. Его часто можно было видеть и в залах Филармонии, и в Мариинском театре, и в Большом драматическом, и на различных выставках, посвященных не только искусству Японии.

Круг его интересов поражал. Он знал как европейские, так и языки стран Дальнего Востока. Пытаясь ему подражать, я начал учить французский и немецкий языки. На мои выпускные экзамены по французскому языку на кафедре иностранных языков при Академии наук был приглашен Михаил Васильевич как мой руководитель. Помнится, какое неизгладимое впечатление он произвел на преподавателей французского

языка, когда, заинтересовавшись принесенной мной научной литературой, стал с листа стилистически безукоризненно переводить с французского на русский. Михаил Васильевич, видимо, из-за ранения, полученного во время войны, плохо слышал, и поэтому всегда очень четко и громко говорил. Из-за этого недуга он стеснялся говорить по-японски. К слову сказать, после Второй мировой войны студентам было трудно совершенствоваться в разговорном языке из-за отсутствия возможности общаться с носителями языка. В этой связи некоторые японоведы среднего поколения высказывали сомнение по поводу его знания японского языка. Вскоре я смог убедиться в обратном. Однажды я просидел чуть ли не целый день над одной страницей средневекового текста, силясь понять его суть. Видя мои безуспешные попытки, Михаил Васильевич предложил свою помощь. Моему изумлению не было предела, когда Учитель с листа перевел этот кусок текста. Оказывается, проблема была не только и не столько в грамматике старояпонского языка, но и в знании реалий того времени и терминологии. Он с необычайной легкостью ориентировался в старых текстах, письменных памятниках, справочной литературе и считал это необходимым условием становления грамотного японоведа. Начиная заниматься со мной, он требовал от меня исполнения простых на первый взгляд правил: верно составленного списка литературы, правильно заполненных карточек, ежедневного просмотра журналов на разных языках по специальности, умелого использования справочной литературы. И жестко это контролировал. Порой мне казалось, что это ненужная педантичность, граничащая с занудством. Но как теперь я благодарен Учителю. Всё, что было сделано по его рекомендации, пригодилось в работе много раз. Михаил Васильевич добивался от меня такого исполнения работы, чтобы не приходилось выполнять ее дважды. Мне запомнилась его фраза, которую он любил повторять: «Профессор отличается от студента, прежде всего тем, что знает, где находится нужная литература, письменные памятники и с чего начать

работу». Может быть, я привел высказывание Учителя не дословно, но суть, думаю, передал. Еще мне часто приходилось слышать на первых порах критическое замечание, что я по своей лености и небрежности что-то упустил или недоделал: «Настоящий профессионал не делает одну и ту же работу дважды». Надо сказать, что Михаил Васильевич очень уважал мнение других людей и никогда не позволял себе повышать тон в общении со мной или другими молодыми сотрудниками Института. Более того, он всегда находил теплые слова, чтобы поддержать, ободрить аспирантов. Позже М. В. Воробьев, видимо, основываясь на опыте руководства мною и другими молодыми в то время научными сотрудниками и осознавая важность привития навыков научно-исследовательской работы начинающим специалистам, опубликовывает в 1990 г. статью. Ее можно рекомендовать прочесть всем студентам перед написанием курсовых работ. В ней он систематизирует многолетний опыт исследователя и дает необходимые рекомендации, «чтобы не превратиться в работника «для внутреннего употребления», не повторять известного, не совершать досадных промахов».² Хочется повторить основной вывод Учителя, который он не раз повторял мне: «Можно смело сказать, что культура научной работы начинается с библиографических изысканий и по ней уже можно прогнозировать успех дела».³

Михаил Васильевич учил, как, опираясь на достижения и преимущества отечественного востоковедения, не имея реальной возможности посещать японские архивы, библиотеки и участвовать в работе научных конференций и семинаров, преодолеть все трудности и добиться высоких результатов в научных исследованиях.

¹ Воробьев М. В. Путеводитель по исторической библиографии Японии // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. Л., 1990. С. 33–53.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 45.

Самому Михаилу Васильевичу ни разу не удалось побывать в Японии. Он никогда не говорил со мной на эту тему. Более того, у меня создалось впечатление, что он сознательно сторонился власть предержащих, не ходил на официальные приемы в японское консульство или на какие-то официальные, ненаучные заседания. Он ни разу не попросил анкеты Японского фонда, чтобы попытаться выехать по этой линии в Японию на научную стажировку. Учитель ни разу не обратился, насколько мне известно, в администрацию Института востоковедения с просьбой направить его в командировку в страну, изучению которой он посвятил свою жизнь. Михаил Васильевич подчеркнуто занимался только научной работой. Он совершенно спокойно относился к тому, что другие сотрудники, не столь заслуженные и не так долго проработавшие в Институте, выезжали в Японию. Я побывал в Японии до смерти Михаила Васильевича два раза, и на собственном опыте знаю, что это никак не отразилось на наших доверительных отношениях. По заданию Учителя я всегда собирал информацию по интересующей его теме, заполнял для него карточки. В 1995 г., когда я вернулся из Йогогамского университета, передать список литературы с карточками уже не удалось: Михаил Васильевич умер до моего возвращения.

Вместе с тем это не означает, что у него отсутствовал интерес к общественной работе. На протяжении многих лет он неизменно возглавлял наиболее важное направление профкома Института востоковедения — производственный сектор. Учитель входил как представитель профкома в аттестационную комиссию, принимал участие в распределении премий по результатам года и рассмотрении спорных трудовых конфликтов. Он неизменно пользовался уважением коллектива за свою принципиальность, всегда стремился оказывать помощь и поддержку всем, кто в ней нуждался. На протяжении нескольких лет я был заместителем председателя профкома, и мне повезло, что и на общественной работе рядом со мной был Учитель.

Михаил Васильевич не любил афишировать то доброе, что делал другим людям. Приведу один пример, связанный лично со мной. Наконец, мне удалось завершить кандидатскую диссертацию, и наступило время обращаться к машинстке. Нужно было заплатить немалые деньги из аспирантской стипендии и случайных заработков. Но каково же было мое удивление, когда я узнал, что Михаил Васильевич все сам оплатил. Думаю, мало кто способен на такие благородные поступки. Причем это было сделано крайне деликатно. Никто об этом не знал. За внешней сухостью, кажущейся угрюмостью скрывался очень чуткий, душевный, отзывчивый и, по-видимому, ранимый человек.

Он не ждал, когда его позовут оказать помощь. Когда Михаил Васильевич после одного из обсуждений моей работы, почувствовал, что мне трудно восстановить душевное равновесие, позвал отметить Масленицу к себе домой. Он жил рядом с центральным почтамтом в небольшой коммунальной квартире. Кстати, будучи одним из ведущих специалистов Института, занимая ответственные выборные должности в профкоме, он не пытался конвертировать это в отдельную квартиру. В домашней обстановке я увидел другого, раскрепощенного человека, чтящего традиции не только дальневосточных стран, но и русские. Квартира многое могла сказать о хозяине: бросалась в глаза прекрасная библиотека, которая собиралась, вероятно, не один год, сама обстановка говорила о тонком художественном вкусе. Приятная беседа, вкусные блины с водочкой отогрели душу. После этой встречи у меня открылось как будто второе дыхание, хотелось работать, работать и работать...

Мне с детства везло. Везло на Учителей. И Михаил Васильевич был для меня не просто руководителем диссертации, он стал для меня наставником, который учил не только профессии, но и человеческим качествам, с которыми, может быть, трудно жить, но легко общаться с коллегами.

Вот уже десять лет, как нет Михаила Васильевича с нами. Но когда тяжело, я мысленно продолжаю с ним разговор. Нет, такие люди не умирают, — они остаются в наших душах и сердцах. Они просто уходят...

